

«Три листа», или Русские в Италии

Виз. Москва. - 1994. - 15 стр. - 92

В нашей рубрике — необычный гость. Не следователь, не криминалист, не оперативник. Да и вообще человек, не имеющий отношения к правоохранительным органам. Хотя нет. Было. Несколько лет назад, когда дачу ограбили... А больше... разве что в концертах участвовал, посвященных Дню милиции. Потому что Борис Попов — артист. Как большинство представителей своей профессии, он замечательный рассказчик и за то короткое время, что мы с ним общались, успел поведать (а иногда и сыграть) столько историй из своей жизни, что каждая из них могла бы стать темой интересного газетного материала. Как воевал в Великую Отечественную, как моржевал, стараясь восстановить пошатнувшееся от ран здоровье, как вместе с Риной Зеленой и Борисом Бруновым провел неделю на льдине. А уж гастроли... что ни поездка — повесть. Впрочем, читайте книги. У Бориса Попова их несколько. В основном о театре. Но есть и другие.

Документальную повесть о своем друге Георгии Никитовиче Холопяхове, Герое Советского Союза, вице-адмирале, погибшем в собственной квартире вместе с женой от рук бандитов в июле 1983 года, Борис Федорович писал чуть не плача над каждой страницей. Он был потрясен жестокостью «охотников за орденами», не остановившимися в погоне за наживой даже перед убийством.

«Трагедия на Тверском бульваре» вышла в 90-м году пятидесятишестистычным тиражом и сразу стала библиографической редкостью.

— Не дай Бог еще писать такой бестселлер, — говорит Борис Федорович. — После этой книги мне какое-то время не хотелось браться за перо.

Но взялся. Дописал-таки роман, над которым работал, можно сказать, всю жизнь. Называется он «Шпак с барабаном».

— Это как бы сплав собственных фронтовых впечатлений и долгой актерской работы над образом бравого солдата Швейка. Мечтаю издать книгу к 50-летию Победы, но... спонсоров у меня нет, меценатов не знаю, а собственных средств (даже если ту самую оборванную дачу продать) не хватит. Написал вот письмо мэру Ю. М. Лужкову. Может, поддержит, как морж моржа, — грустно шутит Борис Федорович.

Будем надеяться, что московское правительство «в буднях великих строек» не проглядит просьбу народного артиста России, писателя Бориса Попова.

Сегодня же, возвращаясь к теме «02», хочу предложить читателям документальный рассказ, написанный Борисом Поповым после одной гастрольной поездки.

Светлана БУДАРЦЕВА

После двух-трех концертов нашей бригады миланцы заговорили о приезде «труппе из России», которой, кстати сказать, не потребовалось переводчика, потому что в составе группы — сплошь эксцентрики, акробаты, иллюзионисты, клоуны-аквилибристы и «женщина без костей» — каучук: все номера видовые, музыкальные. Билеты были распроданы, когда «труппа» еще находилась в Москве. Итальянцы прознали, что в составе гастрольной группы едет Рафик Арутюнов, иллюзионист, обладатель высшей награды за прекрасное исполнение трюков на международном конкурсе. Он уже дважды побывал в Италии и оба раза произвел фурор. Для выступления нашего концертного ансамбля миланское руководство выбрало «точку», наиболее вместительную, на две тысячи зрителей, — замок-дворец Скорцо! Об этом замке-равелине ходят ошеломляющие легенды, одна страшнее другой.

«Сеньор Скорцо, — свидетельствовал гид, — был самый развратный мужчина в Италии. Перед ним женщины трепетали. Он сотворял такие представления, которых не видел и древний Рим».

Увлеченный, разговорчивый, многословный (как и все итальянцы) гид провел нашу группу через парадную арку замка, вывел наружу и простился с нами.

А вот и «зона» азартных игр. Мы с Рафиком Арутюновым протиснулись к экзотически одетому «сеньору», который играл и обыгрывал по крупному. Проигравшие хватились за голову, доходили до истерики... Магистр Арутюнов встал в очередь. Мы, затаившись, стояли рядом, сгрудившись возле очереди, глядели в оба. Конфликт, сваря могли возникнуть непредвиденно, мгновенно. Очередь подвигалась. Мы бдително следили за Магистром. Рафик был спокоен, улыбаясь, даже что-то мурлыкал себе под нос и следил за «стилем» работы Святого (такова оказалась кличка мошенника).

Но вот последний искатель счастья, рыжеволосый здоровяк, выпотрошив свои карманы, отвалился от лотка. Рафик поморщился. Он не мошенник, не игрок, но супермошенника ему захотелось облопошить и разоблачить. И он решился...

Три листа — на лотке. Рафик, мурлыча себе что-то под нос, как заклятье, вслух повторял молитвенно одно и то же ему только ведомое слово: «Ибикус... Ибикус... Ибикус!..»

Игра началась. Пальцы Святого замелькали по лотку. Рафик внимательно следил.

Все вокруг напряглось. Рафику надо угадать исковую. Мгновение раздумья...

«Ибикус», — спокойно молвил Магистр и

длинным ногтем мизинца подковырнул карту, перевернув ее «рубашкой» вниз. Она! Непостижимо: смошенничать Святому не удалось!

Ставки удвоились. Гора денег. Снова замелькали на лотке три карты. На этот раз Святой перемешал их осматрительней, с оттягом.

«Ибикус», — произнес магическое слово Рафик и что-то еще добавил по-армянски. Потом ловко подцепил карту длинным ногтем мизинца — и снова в лист! Куш увеличился вдвое. «Подставки» приблизились к Святому, готовые пойти на крайность. Размалеванная девка, вихляя бедрами, сдвинув бретельки с плеч, оголила груди, демонстрировала прелести, привораживая Магистра на проигрыш. Шулер опять полез в сумку раскошелиться. Три сброшенные пачки итальянских лир в крупных купюрах ушли в карман великого Маэстро. И снова три карты замелькали на лотке. И снова таинственный пароль: «Ибикус!». И снова тот же результат. Касса Святого тошала: прокол за проколом!

«Мама мия!», — вскричал он и задвигал картами. Напрягся, полез рукой под длиннополою тогу и переложил из левого в правый карман своих экзотических штанов какой-то предмет. «Браунинг!», — подумал Магистр. И тоже сунул руку в карман. Трое из нас непроизвольно приблизились вплотную к Святому, и я угрожающе помахал перед его носом пальцем, мол, не дури. Святой этот жест понял без переводчика. Конфликта допустить нельзя было ни в коем случае — мы в чужой стране.

И тут великий артист — Магистр, дабы снизить конфликтное напряжение, разрядить ситуацию, «сменить пластинку», хлопнул три раза в ладоши, снова выкрикнул свое непонятное «ибикус», по-цирковому, по-клоунски воскликнул: «Шаксей-ваксей!». Взмахнул, как крыльями, руками, приблизился к Святому и — о, чудо! — выудил из его короткого рукава — россыпью, врзлет — целую колоду карт. Вослед карты каскадом выпорхнули вереницей и из-под воротника мошенника. Совершалось какое-то магическое действо, за которым окружающие наблюдали заворожено и зачарованно: цирк!

Лоб Магистра горел от благородства: он доставлял «зрителям» наслаждение. Итальянцы, эмоциональные по природе и натуре, возбужденными выкриками поощряли неповторимые эволюции манипулятора-артиста. Святой стоял теперь в центре стихийно образовавшегося круга, следил за неуловимо мелькавшими руками Рафика и на лице его — фантастика! — блуждала откровенно-добродушная улыбка. И Рафик это заметил.

Цирковой номер продолжался. Народу вокруг собралось множество, а чародей не прекращал

Борис Попов.

удивлять любопытных своим мастерством. «Шаксей-ваксей»... и из уха сквозь пальцы артиста струйкой потянулась тонкая, бесконечно длинная серебристая нитка-канитель. Взрыв восторга, аплодисменты, «скандирка». А непрерывающаяся нить все текла и извивалась, опутывая напрочь ошеломленного специалиста «трех листов».

На остановке автобуса Святой — побитый, растерянный, без единой лиры в кармане и уже... даже без павлиньего пера! — подошел к Магистру, тронул Рафика за локоть, спросил на абракадабром языке, чуть владея русским: «Ты кто?»

«Турист», — ответил Рафик спокойно.

«О-о Турист русс! — воскликнул сороговоркой Святой, таяко подыскивая слова. — Маэстро гигант! — Заглянул Рафику в глаза, спросил: — Экстрассенсо ля профессоро-магиго?»

«Нет, честный игрок, Артисто-магиго», — улыбнулся Магистр. Но тут подошел автобус, мы всей группой вскочили в него.

Уже в гостинице, при запертых дверях, выигрывш великого Магистра был разделен поровну между своими — артистами нашей гастрольной бригады без каких-либо несанкционированных последствий. Все — в общий котел! На сувениры и заграничные шмотки. В разряд мошенников мы этим кушем себя не поставили. Нас совесть не мучила, но Святого нам удалось проучить...